

Вырезка из газеты
КРАСНОЕ ЗНАМИ
г. Томск

19 ОКТ 1982г

ИСК. 6342

Люди театра

ЗДЕСЬ МОДА ВСЕХ ЭПОХ...

Многие читатели «Красного знамени», наверное, помнят время, когда на афишах Томского драматического театра значилось имя Валерия Чкалова. На первый взгляд — удивительно. Биография знаменитого летчика не связана ни с Томском, ни с театром...

История эта уходит в тридцатые годы, когда при Горьковском автозаводе был организован театр рабочей молодежи — ТРАМ. Коллектив энтузиастов вскоре завоевал популярность, достиг весьма высокого уровня мастерства и был преобразован в профессиональный колхозный театр. Большую роль в его становлении сыграли вахтанговцы, взявшие шефство над молодым коллективом. В то время по просьбе молодых зрителей театру было присвоено имя легендарного летчика-горьковчанина. Целиком комсомольский, живущий по законам коммуны, самоотверженно работающий, бесконечно преданный делу, коллектив был достоин такого звания. «Время, вперед!» В. Катаева, «Поднятая целина» М. Шолохова — такие названия

определяли его существование.

Поэт Павел Антокольский, будучи режиссером театра имени Евг. Вахтангова, подружился с чкаловцами — это он ставил «Время, вперед!» — а затем стал и художественным руководителем.

Дыханье жизни, свежесть восприятия, острое ощущение времени... Во время поездок по колхозам артистам приходилось тушить пожары, быть агитаторами, бороться с кулаками, и не только средствами искусства.

Война застала театр в лагерьях, где они выступали перед воинами. Вернувшись в Горький, все актеры и большинство актрис отправились на призывные пункты. Но им сказали: на войну не нужны не только бойцы. Они стали фронтовым театром. В конце войны коллективу предложили обосноваться на постоянное местожительство в Томске. Так имя Валерия Чкалова появилось на томских афишах. И рассказано все это потому, что творческий коллектив отмечает семидесятилетие старейшего работ-

ника томской драмы, единственной оставшейся в Томске представительницы чкаловского театра — заведующей костюмерным цехом Клеопатры Георгиевны Григорьевой.

Фрезеровщица, участница агитколлектива «Синяя блуза», актриса колхозного, а потом фронтового театра. Коротко рассказанная здесь история — это история ее жизни. Вернее, первые ее страницы. Так сложилось, что Клеры Георгиевны (в театре все зовут ее так, потому что пыльное имя не очень подходит простой в общении, бесконечно трудолюбивой и искренней женщине) пришлось покинуть сцену. Сцену, но не театр.

Думаю, не нужно объяснять важность костюма, как элемента театрального действия. Он помогает нам не только увидеть человека определенной эпохи, но понять его характер, мироощущение. В сценотрафии таких спектаклей, как, например, «Золотой слон», «Ревнивая к себе самой», элементы игры неотделимы от актерского исполнения.

Костюм придумывает художник. Но это только на-

чало работы. Эскиз ложится на стол Клеры Георгиевны, и начинается подробное обсуждение фактуры материала, кроя, деталей отделки, оттенков цвета. На складе тысячи платьев, но заведующая цехом знает все наизусть. У нее на памяти все, что шилось для спектаклей прошлых лет, а потому она тут же посоветует художнику, что можно использовать из старых запасов. Есть у нее и свои особые «заказники», где хранятся подлинные костюмы далекого прошлого: «Вот это я берегу для Чехова, а это — для Островского». Здесь мода всех эпох.

— Клеры Георгиевны обладает безукоризненным чувством целого — всего замысла спектакля и его оформления, — рассказывает главный художник театра Наталья Авдеева. — Иной раз заметит: «Наталья Иннокентьевна, вы же сами начали предлагать один стиль, а теперь от него отступите». Посмотришь: так и есть. Как же важно иметь всегда рядом такой точный и умный глаз! И еще просто удивляют ее молодость и гибкость. Ведь

эстетика театра меняется. Казалось бы, пожилому человеку труднее поспевать за временем. А на деле все наоборот.

Имея свое определенное мнение о каждом эскизе, Клеры Георгиевны предлагает, советует что-то изменить, добавить в процессе его обсуждения, но, когда сказано последнее слово, в силу вступает непреложный закон, по которому исполнение должно «до пувовички, до ниточки» соответствовать требованию художника. В этом отношении сказывается профессионализм представителей старой театральной школы.

Первым спектаклем, который «одевала» Клеры Георгиевны, была «Бесприданница» — памятный многим томичам. Оформлял его Сергей Сергеевич Постников — художник, много лет проработавший в Томском театре, портрет которого висит в кабинете Григорьевой, а память о нем хранят представители старейшего поколения. Он был строгим учителем, верным другом и тоже был из плеяды «чкаловцев». В «Бесприданнице» режиссер (И. Колтынюк) и художник во многом отступили от многолетних общепринятых норм — и в постановке, и в оформлении. Новации всегда принимаются трудно, но те смогли быть убедительными, увлечь своими замыслами и труппу, и цехи.

Трудно рождавшийся спектакль был принят зрителем, а потом получил хорошую оценку и во время гастролей в Москве.

Кто самый главный в театре? Артист. Старая истина, записанная золотыми буквами, подписанная великими именами. Костюм не может хорошо смотреться сам по себе и плохо выглядеть на актере. Клеры Георгиевны — связующее звено не только между художником и мастером-закройщиком, но и между художником и артистом. За все эти годы она освоила разнообразные методы и подходы ко всем этим таким разным и не очень покладистым людям. И ей доверяют, с ней советуются. Притом не только в мнении по поводу костюма.

Уже сказано о чуткости Клеры Георгиевны к стилевой и образной характеристике одежды персонажей, но к этому надо добавить знание исторических эпох и самой современной моды. С этими же требованиями подходит она к своему коллективу — одному из лучших цехов театра. И независимо от того, работает ли она над эскизом, помогает ли советом и делом самостоятельности, отбирает ткани для костюмов — вокруг нее всегда атмосфера требовательности и настоящего искусства.

М. СМЕРГОВА.